РЕЦЕНЗИИ

Виницкий, И. Граф Сардинский: Дмитрий Хвостов и русская культура / И. Виницкий. – М. : Новое литературное обозрение, 2017. – 352 с.

Это шаловливая книга, Читатель. Прочитаешь подзаголовок и сразу поймешь ее характер: «Историко-литературное отдохновение от педагогической работы, житейской суеты и печальных мыслей, вызванных падением переднего зуба и современными историко-политическими обстоятельствами». Если перенестись с титульного листа в самый конец книги, то и тут ожидает шутливый сюрприз – «Краткий предметный указатель», в котором наряду с почтенными терминами, вроде «антипоэт», «антипоэзия», «наивное мышление», «пародическая личность и пародическая институция», встречаются «внутренняя канализация» (одно упоминание!), «Коллега (дорогой)» (его автор призывает многократно, и мы к нему скоро вернемся), «отдохновение» и «страх невнимания». Уж, кажется, как можно нашалить в именном указателе? Но и тут наш автор отличился: появился сам, да не один, а в связи с очень личными темами: «бабушка», «близорукость», «встреча с Ю.М. Лотманом», «глубинное родство с гр. Хвостовым», «противное состояние души», «склонность к проказам» и проч. И, разумеется, мимоходом делает многочисленные лирические отступления, адресованные тому самому «дорогому коллеге».

Все же, несмотря на эти проказы, перед тобой вполне серьезная книга, Читатель. Отнюдь не пародия на литературоведческое исследование, а расширение границ метода. «Дорогой коллега» – вовсе не вымышленная фигура, а реальное лицо, профессор Марк Григорьевич Альтшуллер. Именно он одним из первых предложил переоценить значение графа Дмитрия Ивановича Хвостова в русской литературной жизни конца XVIII – начала XIX века. Поэтому заочный диалог Ильи Юрьевича Виницкого, профессора Принстонского университета, с «дорогим коллегой» – это одновременно и дань уважения предшественнику, и продолжение научной дискуссии. Важно не только и не столько создать научную биографию самого плодовитого графомана и одного из самых посредственных стихотворцев золотой поры русской поэзии. Само по себе обращение к такому литератору может показаться странным, если не комичным. Но за неуклюжей фигурой графа Сардинского прячутся, держась друг за друга, две серьезные родственные причины. Первая из них выглядит следующим образом: дурновкусие вообще и антипоэзия в частности представляют сложную эстетическую проблему, поскольку не являются простой противоположностью хорошему вкусу и хорошим стихам (их определение автор находит у Ю.М. Лотмана). Вторая проблема весьма похожа на первую: без графоманов и антипоэзии невозможно составить литературный канон, поскольку изящное, информативное и полезное произведение может быть определено как таковое только в общей системе оценок, где есть место и посредственности, и бездарности. Даже сами русские графоманы первой половины XIX века понимали эту зависимость, о чем честно писали в предисловиях к своим сочинениям. Так, И.Ю. Виницкий очень уместно цитирует откровенное размышление «народного» поэта А.М. Пуговишникова к собранию «ужасных» стихов, альманаху «Феномен» за 1832 год (с. 15–18). И обретает очертания главная гипотеза автора: антипоэзия – особое национальное явление, характерное для русской литературы и культуры.

Первая часть «историко-литературного отдохновения» – биографическая. Здесь автор, обращаясь как к многочисленным изданиям сочинений Д.И. Хвостова, так и к его обширному, но плохо изученному архиву в отделе рукописей ИРЛИ, показывает, как складывалась самооценка писателя и его литературная репутация. Звание антипоэта присуждается не вдруг, и граф Сардинский долго шел к нему, благо долго жил (1757–1835) и писал (И.Ю. Виницкий с большой долей вероятности называет 1776 год творческим дебютом Д.И. Хвостова, служившего Евтерпе до последних дней жизни). Начинал с лирики и переводов в 1780-е гг., затем отметился несколькими комедиями. Одна из них, «Легковерный», имела счастье понравиться Екатерине II и Я.Б. Княжнину, «позаимствовавшему» оттуда целую сцену. Едва не попал в немилость к Павлу I, но спасся, написав две благовременные и уместные оды. Стал своего рода связным между царем и своим дядюшкой А.В. Суворовым, культ которого он фактически основал своими панегириками, воспоминаниями, публикациями писем.

Все это – средней руки сочинения, без смелых притязаний и явных провалов, с маленькими находками и небольшими неудачами. В целом, они мало чем отличались от прочей литературной продукции, выпускаемой по «долгу службы» и светским правилам вельможами екатерининского и павловского времени. Как показывает И.Ю. Виницкий, насмешки начинают сыпаться на Хвостова, когда тот вступает в соперничество с Г.Р. Державиным. В разделе «Обезьяна Бога» (с. 89–106) автор обнаруживает, что анонимное стихотворение «Бог», появившееся в июльском выпуске петербургского журнала «Новости» за 1799 год, является первой версией известной хвостовской оды. Граф Сардинский, как обычно, несколько раз переписывал текст, дабы сравняться с певцом Фелицы, но только спровоцировал его неудовольствие и, как следствие, первые анекдоты о себе. Дурная слава антипоэта упрочивалась стараниями самого пиита, чьи «зубастый голубь» (притча «Два голубя», 1802), «рогатый слон» (притча «Заячьи уши», 1810) и прочие нелепицы от души веселили публику. Та и сама была рада придумывать новые несуразицы, ориентируясь на излюбленные графом Сардинским высокий стиль и жанры. К примеру, известную строку «Екатеринин уж водой покрылся гоф», столь веселившую А.С. Пушкина и его современников, сочинил не Хвостов, а кто-то из его «доброхотов». Не было недостатка и в комичных слухах о кончине Дмитрия Ивановича, написавшего бесчисленное множество эпитафий и с оптимизмом изображавшего собственную посмертную славу. Таким образом, И.Ю. Виницкий подсказывает нам, что звание антипоэта прикрепилось к Хвостову, этому обломку классицизма, застрявшему в романтической эпохе, не по эстетическим, а по социально-историческим причинам. Удивительно ли, что едва умерев, граф Сардинский сразу же канул в Лету, не удостоившись ни одного поэтического воспоминания или панегирика.

Вторая часть «историко-литературного отдохновения» – перипатетическая. Она называется «Прогулки с Хвостовым». Но прежде чем отправиться на них, И.Ю. Виницкий забегает далеко вперед и переходит к предвари-

тельным заключениям. Согласно им, Д.И. Хвостов, благодаря своему неиссякаемому поэтическому энтузиазму, сохраняет живым русский вельможный классицизм вплоть до 1835 года. Более того, в 1820-е годы графу Сардинскому удается «перерасти» свою «пародическую личность» и стать «своеобразной персонификацией антипоэзии», необходимой «для поэтического самоопределения русской культуры в период ее триумфально-быстрого развития» (с. 206–207), и добиться того, что некоторые из современников перестали видеть в нем рифмача несуразностей, обнаружив вполне внятное им неугасимое романтическое стремление к созданию самодостаточного мира. В этом порыве он отличается от иноземных антипоэтов, даже от античных образцов-символов – Бавия и Мевия, а непрестанно возвращающийся интерес к Хвостову в русской культуре только усиливает его национальный колорит.

Но где же искать исток безграничного стихолюбия графа Сардинского и постоянного внимания соотечественников к его персоне? Ответ на этот вопрос автор «отдохновения» находит в альбоме со стихами, принадлежавшем некогда его бабушке. Пример очень личный, но убедительный. Альбом любовно создавался и внимательно перечитывался в годы Гражданской войны, когда вокруг его собственницы царил кромешный ад. И.Ю. Виницкий в этой связи утверждает, что «русское стихолюбие в широком смысле имеет спасительно-экзистенциальный характер» (с. 211). Вырисовывается весьма многозначительная культурная преемственность: Хвостов погружается в свой поэтический мир, спасаясь от тотальных насмешек, переходящих в издевательства, точно так же, как юные российские провинциалки прячутся в стихах Северянина от ужасов революционной справедливости, а наши современники-литературоведы – в веселящих виршах Хвостова от атмосферы тотальной злобы, распространившейся нынче по берегам Америки и Евразии.

Озвученные заранее выводы автор подкрепляет на четырех обещанных прогулках с графом Сардинским. Первая из них – на Бородинское поле, битву на котором, как устанавливает И.Ю. Виницкий, первым в русской литературе поторопился воспеть его герой. Вторая прогулка ведет в недра земли, освоению которых посвящено хвостовское «Послание к Ломоносову о рудословии». Оно, как и ода Кутузову по поводу битвы при Бородино, пришлось не ко времени, ибо его чтение в Санкт-Петербургском минералогическом обществе совпало в сознании язвительных современников с чтением в Российской Академии наук выдержек из «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина. Третья прогулка совершается по Екатерингофу. Д.И. Хвостов приветствует открытие парка стихотворением «Гулянье 1 мая в Екатерингофе». Это сочинение становится для исследователя испытательным образцом, позволяющим построить своего рода матрицу плохой поэзии. Дело даже не в том, что изображенный мир в нем решительно не соответствует действительности (Хвостов вновь поторопился и, написав вирши заранее, представил идиллическую картину, а на открытии 1 мая 1824 года погода была прескверная, как и настроение у гуляющих). Как пишет И.Ю. Виницкий, главная проблема графа Сардинского и антипоэзии вообще – это «неразличение между реальным и воображаемым, буквальным и условным, бытовым и поэтическим» (с. 252). А многословие и избыточная продуктивность привели к «десакрализаци<и> и комическ<ой> профанаци<и> "вельможного мира" Хвостова в 1810 – 1820-е годы» (с. 200) и всей его поэзии в целом. Наверное, не будет ошибкой считать, что при таких условиях любое литературное творчество становится объектом насмешек.

Наконец, четвертая прогулка венчает книгу. На ней граф Хвостов отправляется по воле А.С. Пушкина в Грецию, дабы занять место умершего Байрона в освободительном движении («Ода его сият. гр. Дм. Ив. Хвостову», 1825). Разбирая довольно известное произведение, И.Ю. Виницкий убедительно связывает его содержание с морской темой, занимавшей значительное место в творчестве вельможного антипоэта, и оригинально доказывает, что Пушкин шутливо обыгрывает два значения слова «судно». На этой шутливой ноте автор переходит к главной проблеме, беспокоящей его: «психологическому кризису гуманитарных наук» (с. 310) и его частному случаю, кризису «перепроизводства» в филологии. Справиться с грозящим девальвировать знание сонмом статей, рецензий, отчетов, диссертаций и монографий поможет, по мнению И.Ю. Виницкого, «внутренняя канализация», превращение литературоведения в «веселую», «смеховую» науку. Фактически перед нами первый образец подобной терапии.

Как уже понятно из обзора, Читатель, книга о графе Сардинском вышла очень личная. И вот по правилам жанра пришло время покритиковать автора, но переходить на личности как-то негоже. А уличить в неполноте, неточностях, неувязках в анализе и представлении литературных и исторических фактов И.Ю. Виницкого не получится – его эрудиция, скрупулезность, ответственность и внимательность не позволяют. Потому обратимся к тому, что волнует нас всех, Читатель, – к кризису литературоведения. Будучи по своей природе «хорошо информированным оптимистом», автор этих строк не разделяет до конца уверенности коллеги в том, что «кризисы были и раньше, и этот пройдет» (с. 310). Он-то пройдет, но не унесет ли с собой в прошлое науку о литературе в том виде, какой она существует более сотни лет? Ведь одной из важнейших причин кризиса «перепроизводства» все-таки представляется не тщеславие филологов и их соревнование с писателями, а внешние административные требования, безразличные к режиму дня литературоведческой музы и заставляющие под страхом депремирования или даже увольнения выдавать на-гора тонны словесной руды выполнения показателей ради. Блажен, кто может избежать этого, но многие ли трудятся в пристанищах, где глас мировых рейтингов цитирования не слышен?

На этом риторическом вопросе прервем свои размышления, дабы не уподобиться графу Хвостову и не сказать лишнего. Заметим напоследок, что уж книга И.Ю. Виницкого – вовсе не лишнее слово в разговоре о литературной жизни и культуре России конца XVIII – начала XIX века. А для тех, кто чувствует пресловутый кризис гуманитарных наук и ищет способы с ним справиться внутри профессии, она станет живительным и побудительным чтением. Шалость удалась!

Канд. филол. наук, доц. Д.А. Кондаков
(Полоцкий государственный университет)